

Секция «История России с древнейших времен до начала XX века»

В знак дружбы и вежливости – роль подарков в дипломатических отношениях с Москвой в XVII в. Примеры недоразумения дипломатического протокола

Яворска Марта Крыстына

Аспирант

Варшавский университет, Варшава, Польша

E-mail: marta.krystyna.jaworska@gmail.com

Вплоть до настоящего времени происхождение традиции обмена посольскими подарками в ходе дипломатических контактов с Москвой является предметом самых живых дискуссий среди исследователей [5,6,9]. Корни этого обычая часто просматриваются в политических связях и зависимости от Золотой Орды, соединяющих русские княжества с Востоком. Традицию обмена дарами принято рассматривать как наследие периода золотоордынского владычества, когда русские князья в первую очередь старались поддерживать дипломатические контакты с татарскими ханами. Средневековая Русь адаптировала восточный дипломатический церемониал, в том числе сложный ритуал обмена подарками между послом и правителем (государем) [4,6,9].

В Раннее Новое Время в Европе подарки были неотъемлемой частью дипломатического ритуала; они занимали важное место в сфере повсеместно принятых форм дипломатического обмена, практикующихся по всему континенту. Общая модель обмена подарками отражала основные механизмы того, как подарки делались и принимались, однако, особенности ритуала варьировались в зависимости от местоположения, политической культуры и обычаев [7,8,10,13,15]. Научное обоснование, обеспечивающее необходимую лексику и контекст для исследования ритуального обмена подарками, было определено антропологами и этнологами - прежде всего М. Моссем и Б. Малиновским [11,12,14]. В своей работе «Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах» Мосс отметил, что подарок вызывает в людях чувство обязанности отдавать, принимать и отвечать взаимностью. Подарки, которые в теории должны были быть добровольными, спонтанными и альтруистичными, на самом деле для обеих сторон являлись обязательной частью и символизировали их интересы. Для дипломатического искусства взаимность была традиционна и привычна вплоть до XVII века, когда власти создали административную структуру, регулировавшую процесс обмена подарками. В современной историографии предмета особое внимание уделяется контексту власти и его значению для эволюции дипломатических и правительственных практик XVI и XVII вв., а также формированию политической культуры отдельно взятого государства или территории [8].

Традиция обмена подарками заняла видное место в дипломатическом этикете московского двора, даже более важное, чем при дворах Западной Европы. Иностранные дипломаты очень часто отмечали обособленность московского протокола, отмечая особую роль подарков, которая часто ассоциировалась с обычаями Востока. Хотя отсутствие подарков от монарха, отправляющего посольство, не расценивалось как дипломатическое оскорбление, тем не менее, оно дискредитировало и компрометировало посла не только в глазах Великого Князя, а позднее царя, но и в глазах всего двора [3,6,9].

Московские правители в основном получали искусно сделанные изделия из серебра, золота и драгоценных камней, а также технологические новинки и изобретения, неизвестные на Востоке. Со второй половины XVI в. московская политическая элита начала уделять особое внимание статусу дипломатических подарков. Одновременно с этим появился и начал развиваться ещё один ритуал, суть которого состояла в преподнесении иностранным послам подарков, стоимость которых многократно превышала цену и важность посоль-

ских подарков [9]. Демонстративная щедрость, по мнению легатов, была тесно связана с идеей царской чести - ключевой концепции дипломатического этикета - и уверенности в том, что «одаривание» входит в одну из ключевых прерогатив царской власти, в то время как «получение» относится уже к сфере поданных. Церемониальное возвращение подарков послу и одаривание членов дипломатической миссии драгоценностями являлось не только актом дипломатического ритуала, но также демонстрацией богатства, положения и силы московского монарха [6,9].

В этой связи дипломатические подарки могут быть разделены на две группы - те, которые вручались московскому государю от имени монарха, отправляющего посольство, и личные подарки от имени посла или дары от кого-либо члена миссии перед возвращением на родину. В дипломатических контактах с Москвой ценность подарков должна была соответствовать рангу посольства и престижу монарха, отправляющего миссию. Все подарки должны были отражать степень уважения и внимания к персоне московского правителя. Наряду с этим дары послам от государя должны были не только превышать по стоимости их подарки, но и демонстрировать гостю одобрение хозяина и подчёркивать его международное положение. Согласно обычаю, под конец миссии московский государь возвращал посольские подарки, добавляя к ним вознаграждение в виде соболиных мехов. К критериям успеха или неудачи дипломатической миссии можно отнести целый спектр факторов - возврат послами подарков, отказ их принимать, уничтожение государем подарков или непонимание, возникавшее при оценивании стоимости даров [6,9]. Знаки и действия, связанные с обменом дипломатическими подарками, создали сложную систему кодов, понятную только горстке профессиональных дипломатов.

В своём выступлении я хотела бы сосредоточить внимание на тех случаях, когда дипломатический протокол был неправильно понят или неверно истолкован, случайно или намеренно [1,2,3]. Скандалы, возникшие в результате неправильного толкования подарков, могли разразиться из-за невежества или недостатка опыта у дипломата, или наоборот, могли быть тщательно спланированы и играть ключевую роль в переговорах. Церемониальный обмен дарами можно рассматривать как очень необычный, архаичный, загадочный и сложный обычай, который очень часто был непонятен посторонним.

Источники и литература

- 1) Витсен Н., Путешествие в Московию 1664-1665, Санкт-Петербург 1996
- 2) Pielgrzymowski E., Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą; Poselstwo do Zygmunta Trzeciego, oprac. R. Krzywy, Warszawa 2010
- 3) Tanner B., Poselstwo polsko-litewskie do Moskwy w roku 1678 szczęśliwie przedsięwzięte, opisane przez naoczного świadka Bernarda Tannera (Norymberga 1689), oprac. A. Strojny, przeł. M. Rzepiela, A. Strojny, Kraków 2002
- 4) Веселовский Н.И., Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории, Отчет Ст.Петербургского Университета за 1910 год (С.-Петербург, 1911), с.1-19
- 5) Моисеев М.В., Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века, Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. «История и политология», с. 17 – 31
- 6) Юзефович Л.А., Путь посла. Русский посольский обычай. Конец XV-первая половина XVII вв., Санкт-Петербург 2011
- 7) Burschel P., A Clock for the Sultan Diplomatic Gift-giving from an Intercultural Perspective, «The Medieval History Journal», 2013, Vol. 16, No. 2, с. 547-563

- 8) Carrió-Invernizzi, D. Gift and Diplomacy in Seventeenth-Century Spanish Italy, «The Historical Journal», 2008, Vol. 51, No. 4, c. 881-899
- 9) Grala H., Dyplomacja z upominkami w tle. Wokół ceremoniału poselskiego w stosunkach polsko-moskiewskich na przestrzeni XVI–XVII wieku, «Skarby Kremla. Dary Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Wystawa ze zbiorów Państwowego Muzeum Historyczno-Kulturalnego „Moskiewski Kreml”», Warszawa 1998, c. 39-78
- 10) Jansson M., Measured Reciprocity: English Ambassadorial Gift Exchange in the 17th and 18th Centuries, «Journal of Early Modern History», 2005, Vol. 9, No. 3, c. 348 – 370
- 11) Malinowski B., Argonauci Zachodniego Pacyfiku: relacje o poczynaniach i przygodach krajowców z Nowej Gwinei, Warszawa 2005
- 12) Mauss M., Socjologia i antropologia, przeł. M. Król, K.Pomian i J. Szacki, Warszawa 1973
- 13) Reindl-Kiel H., East is East and West is West, and Sometimes the Twain Did Meet. Diplomatic Gift Exchange in the Ottoman Empire, «Frontiers of Ottoman Studies», ed. C. Imber, K. Kiyotaki, R. Murphey, Vol. 2, London 2005, c. 113–125
- 14) Sherry, J. F., Gift Giving in Anthropological Perspective, «Journal of Consumer Research», 1983, Vol. 10, c. 157-168
- 15) Windler Ch., Tributes and Presents in Franco-Tunisian Diplomacy, «Journal of Early Modern History», 2000, Vol. 4, No. 2, c. 168 – 199